

Капитан Маструбин (Гатцук)

В некоторой стороне был молодой капитан. Аттестаты у него были — выше чего вообразить невозможно, а счастья не было. Другие капитанишки, так, самоучки, — а им за границу суда вести поручают. Господин же Маструбин, просто сказать, бедствовал: по каботажу ему — дальнего плавания капитану — и то места нет безделья да от скуки часто катался он по взморью в шлюпке, когда так, а когда — рыбки половить. Вот раз поставил он парусок и пошел в пол хорошего ветра катить прямо в открытое море. Идет он, идет, уж берег чуть виден, вдруг сзади кормы выскочил, перекувырнулся преогромный Дельфин-рыба и говорит: «Господину капитану Маструбину честь имею кланяться». Вот так штука!.. Но капитан Маструбин, как образованный господин, не сконфузился, скинул фуражку: «Мусью Дельфин-рыбе, — говорит, — мое почтение!» Вот хорошо, и начался между ними тут приятный разговор. «Наслышался я, — это рыба говорит, — господин Маструбин, что вы, русский капитан, хотя против всех иностранцев-капитанов много учение, а места не имеете». «Именно так, — отвечает капитан, — а все потому, что я на подлости не способный». «Очень, —

говорит Дельфин, — это превосходно: вот такого господина мне и нужно. Не пожелаете ли вы завтрашний день ехать в такой-то город, отыщите там лучшего судостроителя, закажите ему трехмачтовый корабль. Что он запросит, против того заплатите ему вдвое и потом на этом корабле пожалуйста идти, куда я вам в таком-то месте и в такое-то именно время поручу». «Очень хорошо! — говорит капитан. — Если это не поотив Бога и государя, то я согласен. А как насчет денег?» «Извольте получить», — говорит Дельфин-рыба и давай по воде хвостом бить. Бьет, а сотенные так в шлюпку градом и сыпятся... Одним словом: через полчаса у капитана Маструбина в шлюпке миллион! Он проверил: все настоящие бумажки, никакой фальши нет. «Этого, — говорит, — достаточно. Завтра с первым пароходом еду». «Позвольте руку пожать», — говорит Дельфин-рыба и плавник из воды высунул. Подержал его господин Маструбин за плавник, отпустил, а на другое утро, как обещал, — без всякой гульбы или пьянства на радостях — выехал к месту.

Через полгода корабль готов. Цена хороша, зато и судно — можно строителю честь отдать — красота неописанная. Ну, а ход — как птица летит; руля чуть тронь — на месте поворачивает; в три румба бейдевинд чуть задувает — а оно десять узлов идет. Можно сказать: совершенство!

Набрал господин капитан Матрубин матросов двадцать пять человек — молодец к молодцу, знатные моряки, не пьяницы, работники честные — и пошел к тому месту, куда Дельфин-рыба прийти приказал. Кинули якорь. Капитан в гичку сел на руль. «Ходу!» Как приударили матросики — вмиг к месту причалили. Шлюпку капитан до сигнала на судно отправил, а сам сел на «верблюда» и дожидается. Вдруг высунулся из воды Дельфин-рыба. «Вот он я, — говорит, — все ли, капитан, готово?» «Точно так». — «Прикажете с судна доставить сюда большую бочку с водой». — «Есть, хозяин». Доставили. Дельфин выскочил на камень, кувырнулся в бочку и говорит: «Ну, теперь берите меня на судно и идите, куда прикажу».

Пошли. В день четыре раза капитан Матрубин в своей каюте справлялся — бочка с Дельфином там стояла, — куда курс держать, и все идут благополучно да идут, а куда — неизвестно... Вдруг раз говорит Дельфин капитану: «Слушайте, капитан: завтра такая буря будет, что небо с морем смешается. Налетит на корабль огромная страшная птица, и если ее живой до судна допустить — конец нам всем: потопит. Узнайте, нет ли между матросами хорошего стрелка. Коли найдете, как буря начнется, дайте ему вот из этой бутылочки в стакан водки одну каплю — это осмелительное питье, — привяжите его на грот-мачтах, и пусть он вас от смерти выручает, а мне в моей беде помогает». Спросил капитан всех; один матрос отзывается: «Мне, господин капитан, взяться можно: я ласточку на лету пулей бью». «Очень хорошо!»

На другой день с утра засвежело, а к полудню такой шторм поднялся, что не разберешь: где море, где тучи. Тьма нашла — точно ночь; кидает судно, волны через него хлещут. Стоит матросик на марсах, к мачте привязанный, — чуть его в море не окунает, такая качка, а он ничего, потому что осмелительных капель выпил. Вдруг видит он: из черных туч одна еще чернее вылетела и прямо на корабль — это птица невиданная, страшная... Поднял он винтовку, приложился — хлоп! В самый глаз птице угодил, так она и рухнула в море. Сразу бури как не было, тихо стало, ясно, море чуть колыхается...

«Готово, господин хозяин!» — говорит Дельфин-рыбе капитан. «Знаю. Теперь справьтесь, капитан, нет ли между матросами мастера нырять. Коли найдется, дайте ему в стакан водки две осмелительных капли, пусть нырнет и снимет у птицы с правой лапы золотое кольцо». Один матрос вызвался: «Я могу исполнить, потому что на сто сажень под воду ныряю». «Превосходно!»

Сейчас шлюпку спустили, подошли к тому месту, где птица упала, — а ее уж и не видать, затонула. Матросик перекрестился — бултых!.. Батюшки, страсти какие! Змеи водяные вокруг него так и вьются, рыбы страшные зубами на

него щелкают, раки, с ногу величиной, клещи на него наставляют, а ему и горя мало — отмахивается ножом да все вглубь, сколь можно быстро, ныряет. Вот они, осмелительные капли, как действуют!.. Больше ста сажен матрос вглубь шел, нагнал птицу — она; как ключ, ко дну падала, — поднырнул под нее, обрубил лапу с кольцом — и назад. Вынесло его водой наверх; три часа товарищи откачивали, насилу откачали: совсем было задохнулся.

«Ну, — говорит Дельфин-рыба капитану, — теперь, слава Богу, начало сделано! Держите курс зюйд-ост-теньзюйд тридцать пять градусов, сорок минут и двадцать секунд.

Ветер — полный бахштаг, ходу — двадцать узлов. Идут месяц, другой; в половине третьего справа земля показалась. Капитан Матрубин — сколь ни ученый господин — ни на каких своих картах, ни тоже в книгах этой земли не нашел: окончательно неизвестная земля.

. Подошли. Дельфин-рыба распорядился: «Прикажете: из бухты вон». Стали. «Тут, — говорит Дельфин, — либо мне на голову корона, либо на мое мертвое тело ворона! Узнайте, капитан, нет ли между матросами быстрого бегуна. Коли найдется, дайте ему осмелительных капель сразу полбутылки. Пусть идет на берег по такой-то. дороге. Увидит избушку, а в избушке сидит старушка. Чтобы, как хочет, украл у нее железную шкатулочку, что на полке около печки стоит, и принес мне».

Господин капитан Матрубин вышел наверх, рассказал матросам дельфинов приказ: два матросика вызываются: «Можем очень быстро бегать». «Чудесно!» Закатил первому, который помоложе, полбутылки осмелительного питья — тот как пустился бежать... Прибежал к избушке, а в ней сидит старушка. «Ох, бабушка, — ей матросик говорит, — дай, Христа ради, напиться. Издалека бегу да еще дальше бежать, горло пересохло». «Нет!» — «Сделай милость!» Вошла старушка за водой в свою избушку, а матрос за ней; видит: на полке стоит железная шкатулка. Он ее хватить и пустился со всех ног к берегу. А старушка за ним, не отстает: так поспевает, что только только рукой не достанет. Чуть приостановился матрос, чтобы в шлюпку прыгнуть, — старуха его как цапнет когтями: всю голландку от шеи до пояса располосовала и со спины клок кожи вырвала.

Приносит капитан Матрубин хозяину шкатулку, а Дельфин-рыба говорит: «Слава Богу, теперь уж близко к концу! Отыщите, капитан, другого бегуна, чтобы сбегал к той же старухе и, как хочет, а унес бы от нее медную шкатулку, что на полке стоит.» А господин Матрубин Дельфин-рыбе отвечает: «Довольно трудно, хозяин, и даже невозможно. Старуха первому

бегуну всю спину разодрала, он чуть жив, а прочие боятся». «Дайте ему, — говорит Дельфин, — тысячу рублей и вот этого лекарства: как примет и следа на спине не останется. А кто во второй раз побежит, тому дайте осмелительных капель сразу целую бутылку и пять тысяч рублей обещайте, если медную шкатулку принесет».

Пошел капитан Маструбин в каюту, где ободранный матрос лежал. Посмотреть страшно: лежит без памяти, точно в огне горит, а спина целой подушкой вздулась. Сейчас ему капитан вылил в рот лекарство, что Дельфин дал, он вскочил на ноги и спрашивает: «Что прикажете?» «Чего это ты, братец, не вовремя валяешься?» А матрос себя за спину щупает. Что за диво: ни царапины нет — здоров совсем!

Господин капитан его до времени в каюте оставил, а сам вышел наверх, нового бегуна выбирать. Никто из матросов не идет, и тот, который раньше вызывался, отказывается: «Это, — говорит, — помилуйте, что ж такое, если со спины кожу обдирать! На это у нас уговора не было. Вон уж один чуть жив лежит». «Позвать его сюда!» — говорит капитан. Вышел матросик, здоровый, веселый. Сейчас ему капитан тысячу рублей в руки. «А кто, — говорит, — другую шкатулочку от старухи унесет — тому пять тысяч рублей». Оглядели матросы товарища: как есть здоров, царапины нет. Ну, наваждение!.. Тот, который раньше охотился бежать, говорит: «Очень хорошо-с! За пять тысяч я побегу».

Оделся матрос нищим, рожу вымазал, в руки клюку взял, через плечо суму перекинул и пошел за шкатулкой. Нашел избушку, в ней сидит старушка: «Подай, бабушка, Христа ради, хоть черного хлебца кусочек: второй день не ел». «Убирайся, — говорит старуха, — вчера меня один такой обманул, дорогую вещь украл и убежал». А матрос ей: «Куда уж мне бежать, когда я с голоду чуть на ногах стою». Старуха поглядела на него, встала хлеба достать, а он цап медную шкатулку с полки и бежать что есть духу к берегу. Он бежит, как птица летит, а старуха за ним, на шаг не отстает, только-только что на пятки не наступает. Добежал матрос до берега, приловчился, как повернее в шлюпку прыгнуть, — как вцепится ему старуха когтями в спину — со всей спины кожу, как ножами, срезала. Он полумертвый в шлюпку свалился, а она на берегу беснуется, волосы на себе рвет: «Чтобы вам, — кричит, — разбойникам, родной земли не видать!»

Подчалила шлюпка к судну, матроса на руках в каюту снесли, шкатулку капитану отдали.

«Ну, — говорит Дельфин-рыба, — теперь еще одну службу мне сослужите. Постарайтесь, капитан, у той же старухи последнюю, серебряную, шкатулку достать; тогда всем моим бедам конец». «Извините, господин хозяин, — говорит капитан. — Это вовсе невозможно: тот матрос, который медную шкатулку достал, уж должно быть, помер: у него на спине и на грош кожи нет». «Пустяки! Влейте ему в глотку вот этого лекарства с полубутылкой водки. Он — русский человек: живо поправится. А кто мне последнюю шкатулку достанет, того я на весь век счастливым сделаю».

Дал капитан матросу лекарства, тот мигом выздоровел, спина кожей обросла, будто и не была ободрана. Но только получил он свои пять тысяч и говорит: «За деньги спасибо, но кабы знал я про-такую страсть, никаких миллионов бы не взял». Прочие матросы, только капитан заикнулся про третью шкатулку, в один голос закричали: «Нет, господин капитан, увольте! Никто в третий раз не пойдет: во-первых, что теперь уж старуху не надуешь, а потом она ведьма, и через нее человек и с деньгами на век несчастным может стать».

Что делать? Задумался капитан, приходит к Дельфин-рыбе и говорит: «Никто не идет, господин хозяин: очень напуганы. Вот разве что сделаем: раньше я бегать был мастер; не пойти ли мне самому счастья попытать?»

Дельфин разахался: «Ах, — говорит, — господин капитан, как мне вас благодарить?!

Ах, вы меня спасете!»

Хорошо. Уговорил капитан Матрубин того матросика, который первый к ведьме ходил, с собой идти, обещал ему, вровень со вторым матросом, до пяти тысяч добавить, и пошли они. Не доходя до ведьминой избушки, послал капитан матроса кругом, с другой стороны зайти, научил, что сделать, а сам идет смело к двери. Старуха в двери стоит, а он ей: «Доброго вечера, — говорит, — бабушка».

Та молчит, злобно на него смотрит. Заглянул он ей через плечо в избушку и говорит:

«Э-э! Кто это к вам в окошко заглядывает?» А это матрос в окно просунулся...

Как кинется на матроса ведьма. Он окно захлопнул, держит, ведьма тянет к себе, открыть хочет. Пока они возились, капитан вскочил в избушку, ухватил шкатулку и — давай Бог ноги!.. Выскочил, смотрит, а Матросик уж далеко впереди к берегу задувает, только пыль вьется. Побежал и капитан; бежит, что есть духу, слышит: догоняет его ведьма, сопит, ворчит, зубами скрипит, вот-вот ухватит. Со всех сил наддаёт капитан ходу, бежит, как ветер летит, а

ведьма не отстает, по пятам гонит. Вот он и берег; гребцы в шлюпке сидят, совсем вперед легли, чтобы сразу веслами ударить, как капитан вскочит. Он разбежался, прыгнул, да с разбегу через шлюпку перелетел — и в воду... Не сдержалась и ведьма, прыгнула за ним; надела на него в воде и рвет его когтями, что у ней на руках и на ногах, точно ястребиные, торчали. Вмиг все мясо с затылка и со спины и с ног сорвала — белые кости открылись. А он, сердечный, упал ничком, только шкатулку к груди прижимает. Тут матросики не сробели: спрыгнули в воду и давай ведьму — кто веслом, кто багром, кто ножом; живо ее прикончили, оторвали от капитана, на куски раздробили и куски разбросали.

Подняли из воды господина Маструбина — а он уж и не дышит. К судну подчалили, внесли капитана в его каюту да так со шкатулкой, как он ее к груди прижал, осторожненько на бочок и положили.

Ну, конечно, матросы — тоже люди: надо о себе подумать, как до родины добраться. Собрались они, все двадцать пять человек, на баке и советуются: как теперь быть — судно без капитана, что улей без матки. Жалеют господина Маструбина: очень его матросы любили... Вдруг, батюшки мои, что такое?! Из-за грот-мачты выходит сам господин капитан Маструбин в полном-дараде, здоровый, веселый. Матросы так и присели, думают: видение. А он им: «Здорово, молодцы! Зарядите-ка пушки (у них на корабле три пушки было) — надо с успехом салют сделать в двадцать один выстрел, по закону». Матросы себя от радости не помнят, кинулись к пушкам, зарядили и давай палить. Капитан кричит: «Будет, ребята, довольно!» Куда там! Они, знай, палят; уж, может, за сотню перевалили...

Вдруг, откуда ни возмись, оцепили судно шлюпки, лезут солдаты, видимо-невидимо. Перехватили матросов, забрали капитана, всем локти назад, к лопаткам, притянули, свезли на берег и прямо в тюрьму. Матросы ужасаются: «Что такое? За что? Что теперь с нами будет?» А капитан Маструбин смеется: «Ничего, ребята, — говорит, — не бойтесь! Это так, на манер шутки. Выручу!» Только глядят матросики: шутки плохие; через день вывели их всех с капитаном на площадь того города, поставили под виселицы — уж двадцать шесть виселиц готово — и читают им такой приговор: по случаю, мол, горя во всем королевстве — оттого что вот уже три года наследник-королевич без вести пропал — всякая пальба в знак радости не позволена, а потому их радостную пальбу тамошний король не иначе принимает, как за большую себе обиду и, стало быть, присудил: всех их сейчас повесить... Прочли приговор, подошли палачи... Но вдруг господин капитан Маструбин сделал шаг вперед и крикнул громким голосом: «Ваше

королевское величество, мы в ваших руках. Не приказывайте нас сейчас вешать, а пожалуйста сами с супругой и с гвардией на наше судно и нас прикажите туда свести. Там я вам покажу причину, по которой мы палили. Как увидите — и сами палить прикажете!» Король подумал и говорит: «Хорошо, можно».

Повезли их всех на судно; король с королевой и со всеми придворными и с гвардией подъехали. «Ну, — говорит король капитану, — извольте объяснить ваши причины, а то я здесь на мачтах всех вас превосходно повешу». Только король это вымолвил, вдруг открывается дверь из капитанской каюты и выходит из нее необыкновенной красоты королевич во всем параде: «Здравствуйте, папаша и мамаша!» Королева как увидела сына, сейчас, по женской слабости, взвела голос до самого тонкого визгу и — бряк — сомлела. Король сына обнимать, целовать; целует, а сам плачет. «Сынок ты, — говорит, — дорогой наш, где ты пропадал?» А королевич ему: «Государь батюшка, прикажите прежде всего, этих людей развязать: они мои спасители!» Развязали капитана Матрубина и матросов.

И рассказал тут королевич, что он три года по морям Дельфином-рыбой плавал. А обратила его в рыбу та самая ведьма, которую его отец обидел: из всех ведьм одну только, к себе на свадьбу в гости не позвал. Так это она королю в отместку сделала. И все дальше рассказал: как русские матросы и капитан Матрубин его от страшной птицы, от ведьминой дочери, спасли; как шкатулки от ведьмы доставали, в которых она его человеческий вид содержала, — все по порядку.

Кинулся король к капитану Матрубину на шею, обнял его, в уста поцеловал; потом всех матросов облобызал и говорит: «Благодетели мои, храбрые русские моряки! Не знаю я, чем вас и наградить. Жалую вам, господин капитан, миллион, а каждому матросу — по сто тысяч. А ежели кто у меня на службе захочет остаться, то простой матрос будет капитаном, а господина Матрубина приглашаю быть моим генерал-адмиралом, всем моим флотом начальствовать».

Но только ни господин Матрубин, ни кто из русских матросов чужому королю служить не согласился. Деньги взяли, поблагодарили и пошли на своем судне назад на родину. Пришли благополучно и стали жить в свое удовольствие. Да, может, и теперь еще живут, коли не померли.